Глава 5

ИЗЪЯТИЕ ИЗ ОБРАЩЕНИЯ «КЕРЕНОК»

От замысла к закону

Российские финансы редко переживали периоды подъёмов. Куда органичнее для страны было находиться в состоянии финансового кризиса, выходить из него путем денежной реформы, как правило, конфискационной, тяжело ударявшей по благосостоянию российского населения. Таких реформ в нашей истории было немало, и большинство оказалось связано с обменом денег старого образца на новые. Особенно богат на такие мероприятия был XX век. Парадоксально, но, несмотря на очевидную важность таких эпизодов российского прошлого, денежные реформы долгое время оставались историографической периферией. Исключение составляют две наиболее успешные реформы – виттевская 1897 г. и сокольниковская 1924 г. В последние годы вышло несколько публикаций по реформе 1947 г. Куда менее изученными остаются реформы Е.Ф. Канкрина 1839—1843 гг., «павловская» реформа 1991 г., тоже ставшая уже историей. Но о них известно хотя бы в общих чертах, их даже упоминают в большинстве школьных и вузовских учебников.

Одна из крупнейших «конфискационных» реформ вообще выпала из поля зрения историков. Речь идет об изъятии из обращения двадцати- и сорокарублёвых казначейских знаков («керенок») Российским правительством в мае 1919 г. на территории от Прикамья до Харбина и Камчатки. А между тем, эта мера была важнейшим эпизодом финансовой политики восточной контрреволюции. Она отразилась на состоянии денежной сферы антибольшевистских правительств других регионов, а также коснулась мирового рынка.

Воевавшие стороны проводили различную финансовую политику – «белые» стремились реанимировать и укрепить денежную систему, советское же правительство её целенаправленно подрывало. И хотя выпускать собственные деньги вынуждено было каждое из существовавших в те годы правительств, объем эмиссии в лагере «белых» оказался намного ниже, чем в советской России. Ситуация была бы предельно проста, если бы не одно обстоятельство – Совет народных комиссаров первые полтора года со всё возраставшей интенсивностью печатал деньги старого образца («романовские» и «керенки»). Причем основная масса эмиссии приходилась на двадцати- и сорокарублевые купюры образца 1917 г. Поскольку отличить напечатанные большевиками купюры от старых было невозможно, «белые» правительства, признававшие все дореволюционные

деньги, столкнулись с необходимостью принимать и плоды большевистской эмиссии, чем ставили свою финансовую систему в зависимость от печатного станка Москвы. Поначалу это не казалось большой проблемой – существовала надежда на быструю победу. Затянувшаяся гражданская война заставила «белых» искать выход из ситуации. На гребне военных успехов, в ожидании окончательной победы над большевиками в ближайшие месяцы Российское правительство объявило о выводе из обращения двадцати- и сорокарублёвок.

События, связанные с этой денежной реформой, могли дать богатейшую пищу для критики колчаковского режима. Отечественные историки, 70 лет занимавшиеся такой критикой, подчас огульной, лишь изредка упоминали в своих работах об этой реформе, даже не пытаясь проанализировать её. Нерыночные представления отечественных исследователей делали их очень далекими от проблем денежного рынка.

Ситуация изменилась лишь в 1990-е гг. Уральский исследователь Н.И. Дмитриев отметил, что эта мера, несмотря на конфискационный характер, была встречена населением с пониманием и прошла успешно. В результате рынок был очищен от основного денежного суррогата, и финансовая система «белых» приобрела независимость от советского печатного станка[1]. В статье, опубликованной год спустя, тот же автор внёс немаловажное уточнение: изъятие «керенок» шло успешно и одобрялось населением лишь на первых порах. В целом же эта мера привела к расстройству денежного рынка и падению курса рубля. «Реформа оказалась гибелью, но все-таки надо помнить, что гибельность её окончательно определило только ухудшение военных дел», — подытоживает Н.И. Дмитриев[2]. Подобную же оценку реформе дает Е.И. Пастухова[3], которая доверяет негативным откликам на неё барона А. Будберга – мемуариста, известного своей мизантропией. Об изъятии «керенок» сообщает также санкт-петербургский бонист Р. Николаев, ограничивающийся, правда, воспроизведением информации из мемуаров Г.К. Гинса[4].

Гораздо обстоятельнее проанализировал реформу английский историк Дж. Д. Смил[5]. Этот автор рассматривает изъятие «керенок» на фоне общего состояния денежного рынка востока России, что и позволяет оценить

---

[1] Дмитриев Н.И. Экономическая политика А.В. Колчака и ее реализация // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 30.

[2] Он же. Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 79.

[3] Пастухова Е.И. Финансово-денежная политика правительства Колчака // Гуманитарный ежегодник. Вып. III. Сб. науч. тр. аспирантов и соискателей. Новосибирск, 2002. С. 74–76.

[4] Николаев Р. Адмирал Колчак и «керенки» // Миниатюра. 1991. № 6 (декабрь). С. 11; Николаев Р.В. Деньги – Время – Власть. Спб., 2002. (Цит. по: //www.bonistikaweb.ru/knigi/Nikolaev-dvv.htm).

[5] Smele J.D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918—1920. Cambridge, 1996, p. 401–411.

проведенную реформу как недальновидную. Он справедливо заметил, что Российское правительство попыталось заменить «керенки» ещё менее авторитетными деньгами собственного производства, что и ускорило финансовый коллапс. Следует отметить, что Д.Дж. Смил достаточно широко использовал дипломатические документы, подробно освещавшие ход и итоги проведения реформы, реакцию на неё денежного рынка страны.

Оценки английского исследователя нам представляются справедливыми, но и в его монографии представлена только общая характеристика реформы. Между тем за кадром по-прежнему остается сам механизм проведения реформы, действия властей в конкретных стандартных и нестандартных ситуациях, экономическое поведение людей в процессе обмена денег. Именно реконструкция этих моментов важна при научном анализе такого рода мероприятий. Источники вполне позволяют нам справиться с этой задачей. В отечественных архивах, центральных и местных, сохранились документы кредитных учреждений и прочих организаций, принимавших участие в денежном обмене. Периодическая печать позволяет зафиксировать региональные особенности проведения реформы, содержит многочисленные свидетельства непосредственной реакции людей на мероприятия правительства.

Прежде чем обращаться к самой денежной реформе, необходимо дать общую характеристику состояния финансов на востоке России. В период Первой мировой войны царское правительство отступило от принципа золотого эквивалента и выпустило в обращение необеспеченные денежные знаки, что привело к росту инфляции. Так, с июня 1914 г. по март 1917 г. объем денежной массы в России увеличился с 1640 млн до 10 044 млн руб. Временное правительство и большевистский Совет народных комиссаров, выпускавшие в огромном количестве деньги как старого образца, так и нового – «керенки» (к ноябрю 1917 г. – 9134 млн руб., а к январю 1918 г. – еще 8062 млн руб.)[6], усугубили финансовую ситуацию. Кризис политической власти сопровождался распадом экономического единства страны. Инфляция вызвала дефицит денег в мелких купюрах, причем сильнее всего их нехватка ощущалась на окраинах страны, куда из центра не успевали посылать денежные «подкрепления».

С началом гражданской войны особенность распределения по стране денежных потоков сохранялась и была присуща именно «керенкам». В большом количестве сосредоточенные в центре России, они постепенно растеклись по окраинам, легко преодолевая линию фронта.

О путях оздоровления финансовой системы страны деятели восточной контрреволюции задумались ещё в конце лета 1918 г. Для этого необходимо было решить две задачи – изъять из обращения все денежные сурро-

[6] Атлас З. Очерки по истории денежного обращения в СССР. М., 1940. С. 50; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917—1927 гг.). М., 1927. С. 71.

гаты местного значения и вернуться к твердому, обеспеченному каким-нибудь реальным эквивалентом, рублю в масштабах всей страны. Если первая задача казалась актуальной уже тогда, то вторая откладывалась до полной победы над большевиками.

Тот факт, что на востоке страны продолжали обращаться «керенки», имел и положительную, и отрицательную сторону. С одной стороны, сибирская власть проводила весьма ограниченную эмиссию, что обычно благотворно сказывается на экономике и сдерживает рост цен. Массовая интервенция «керенок» из советской России нарушала относительное ценовое равновесие. С другой стороны, «керенки» смягчали недостаток мелких купюр, т.е. занимали на денежном рынке тот сегмент, который Российское правительство оказалось неспособно заполнить.

Положение, когда две воевавшие друг с другом силы в ходе гражданской войны имели общую валюту, естественно являлось ненормальным. Эти азбучные истины финансистам были понятны ещё летом 1918 г. В августе в Самаре происходил съезд представителей акционерных коммерческих банков, на котором управляющий Екатеринбургским отделением Волжско-Камского банка В.П. Аничков говорил о необходимости «белым» правительствам создать особую денежную систему. «Иначе, победив в военном отношении, мы можем оказаться беднее побежденных»[7]. В.П. Аничков предлагал провести штемпелевание всех «керенок» на подвластной «белой» территории, а затем постепенный их обмен на новые денежные знаки. По мере же освобождения новых территорий от большевиков обменивать обращающиеся там незаштемпелеванные «керенки» по пониженному курсу[8]. Это предложение было выдвинуто ещё до того, как в Сибири стали печатать собственные деньги. В условиях многообразия денег объективно возникла конкуренция валют. В этой экономической борьбе шансы победить были у того, чья валюта имела большую покупательную силу и была лучше исполнена. В конце концов исход борьбы решало соотношение этих двух качеств. Покупательная способность рубля на востоке страны была выше, чем в советской России, но она поддерживалась всеми видами денег, в том числе и «керенками». Что же касается исполнения купюр, то советские «керенки» и сибирские деньги были одинаково плохого качества.

Осенью 1918 г., когда количество «керенок» в обращении востока России было еще не столь велико, Временное сибирское и Российское правительства предпочли не торопиться с предлагаемой мерой. И.А. Михайлов

---

[7] Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917—1922). М., 1998. С. 181–182.

[8] Сибирская жизнь (Томск). 1919. 26 апр. К этим идеям, изложенным в брошюре В.П. Аничкова «Наши финансы и путь к их исправлению», осенью 1918 г. проявил большой интерес И.А. Михайлов, предлагавший в октябре 1918 г. В.П. Аничкову занять в Сибири пост директора Государственного банка или Кредитной канцелярии. — Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток… С. 195.

пообещал провести денежный обмен тогда, когда в Россию прибудут купюры, отпечатанные в Североамериканских Соединенных штатах, которые имели высокое техническое исполнение. К тому же ожидаемая партия заокеанских денег имела достаточное количество купюр мелкого достоинства. Учитывая все это, можно признать расчет министра финансов разумным, если бы не один вопрос – насколько велика была вероятность, что американцы передадут купюры непризнанному Российскому правительству?

С начала 1919 г. обострилась проблема, связанная с легальным обращением «керенок» на востоке России. В апреле 1919 г. в Омске считали, что большевики выпустили более 9 млрд руб. В действительности же ими было отпечатано к этому времени свыше 15 млрд руб., основную часть которых составляли двадцати- и сорокарублевые купюры[9]. Пагубность такой ничем не ограниченной эмиссии в стане большевиков для финансового рынка востока России была очевидна – «керенки» хлынули через линию фронта на «белый» восток, увеличивая денежную массу и обесценивая рубль. В этой ситуации Российское правительство было вынуждено увеличивать эмиссию. Когда в конце 1918 – начале 1919 г. «белые» взяли Пермь и заняли Прикамье, на Урале цены поднялись в два раза из-за наплыва «керенок» из освобожденных от большевиков районов. За короткое время «керенки» наводнили финансовый рынок «белых» и стали одним из главных факторов галопирующей инфляции на востоке России. Если в ноябре 1918 г., по данным Сибирского государственного банка, в финансовом обороте Урала, Сибири и Дальнего Востока находилось 764 млн руб. «керенок» [10], то к концу весны 1919 г., по разным оценкам, – от 1,5 до 6 млрд руб. Как справедливо пишет Дж.Д. Смил, «большевистская финансовая политика затягивала в трясину сибирскую финансовую систему» [11].

Эти денежные знаки скапливались главным образом в двух регионах – прифронтовой полосе и на Дальнем Востоке. В прифронтовой полосе это было связано с близостью территории, занятой «красными», откуда «керенки» и попадали в «белую» Россию. Стена, разделявшая два враждовавших лагеря, никогда не была совершенно глухой. Напротив, линия фронта оставалась зоной хозяйственных контактов. Дальний Восток – противоположная оконечность «белого» востока России, наиболее удаленная от фронта. Но это был единственный регион, через который осуществлялись экономические контакты с внешним миром. Деньги с Урала и из Сибири очень интенсивно перетекали на дальневосточные денежные рынки. Причем вдоль линии фронта курс «керенок» установился выше,

---

[9] Атлас З. Очерки по истории денежного обращения… С. 50; Юровский Л. Н. Денежная политика… С. 71–72.
[10] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 25, л. 22.
[11] Smele J.D. Civil War in Siberia… P 406.

чем сибирских рублей, – как валюта, ходившая по обе стороны фронта, они считались более удобными[12].

Правда, на Дальнем Востоке финансовая ситуация имела одну важную специфику. Выпускавшиеся в Сибири деньги расходовались главным образом в самой Сибири и почти не доходили до Дальнего Востока. Между тем, спрос на деньги в регионе был чрезвычайно высок. «Восточная окраина» России была наводнена денежными суррогатами местного значения, не имевшими никакой ценности в международной и даже межрегиональной торговле. Цены на деньги в регионе диктовал Харбин – центр международной торговли. Здесь «керенки» за полтора года уже успели утвердиться. Их принимали китайцы и японцы, торговавшие с Россией, их принимали и иностранные банки, хотя котировался этот вид денег чрезвычайно низко. Выше оценивались романовские кредитные и золотые рубли, но их было очень мало. Торговать старались на «керенки».

«Сибирки», высланные Государственным банком во Владивосток и Харбин в минимальном количестве, оказались на рынке в положении изгоев. Они, как и «керенки» шли на Дальний Восток с запада, обесценивая российскую валюту, способствуя росту цен. Только «керенки» имели реальный общероссийский статус, а «сибирки» только номинальный. На устоявшемся харбинском и владивостокском валютном рынке «сибирские» деньги были восприняты как очередной суррогат регионального значения. Иностранные банки и торговые кампании их не принимали, поэтому на рынке установился низкий курс покупки сибирских денег.

Михайловское ведомство очень болезненно относилось к этой ненормальной для Российского правительства ситуации. В министерстве были уверены, что низкий курс «сибирок» – результат валютных спекуляций. Банки и меняльные лавки специально третируют новую российскую валюту, чтобы наживать капитал на их размене. Однако бороться за свою валюту экономическими методами Российское правительство оказалось неспособно.

В начале весны 1919 г. ситуация для Министерства финансов стала нетерпима. «Керенки» всюду подрывали и обесценивали сибирский рубль. Только положение в прифронтовых западных районах кардинально отличалось от ситуации на Дальнем Востоке. На западе «сибирки» были более твердой и авторитетной валютой, ценность которой большевики понижали путем эмиссии «керенок». На востоке соотношение «керенок» и «сибирок» было прямо противоположным: «сибирки» не могли потеснить авторитетные «керенки».

В апреле 1919 г. Российское правительство вернулось к идее аннуляции «керенок». Связано это было, во-первых, со сложностями на денеж-

[12] Записки белогвардейца. Лейтенант N.N. // Архив русской революции. М., 1991. Кн. V. Т. X. С. 104–105.

ном рынке, описанными выше. Во-вторых, с тем, что успешное наступление на фронте в последние месяцы вызвало эйфорию в правительственных кругах и в обществе. Чиновники Министерства финансов не были исключением и полагали, что военная фортуна и дальше будет улыбаться белой армии. Перспектива занятия новых территорий, с одной стороны, радовала, с другой стороны, пугала. Миллиарды «керенок» грозили наводнить Сибирь. Тогда И.А. Михайлов вспомнил об В.П. Аничкове, вызвал его из Екатеринбурга и предложил ему должность советника министра финансов. На встрече с министром В.П. Аничков сформулировал основные принципы будущей реформы, впоследствии проведенной в жизнь[13]. Важным моментом будущей реформы был обмен «керенок» не на «сибирки», а на деньги более высокого качества. И.А. Михайлов уверил В.П. Аничкова, что это будет реально, но не сразу, а с некоторой отсрочкой, так как передача американцами готовых купюр «слегка» затянулась. Министр явно блефовал перед своим советником. Вопрос о передаче американцами изготовленных для России купюр Российскому правительству за последние месяцы не сдвинулся с места. В публичных выступлениях министр осторожнее высказывался по этому вопросу. Сам В.П. Аничков отмечал, что рекомендовал И.А. Михайлову такой способ проведения реформы только потому, что тот его убедил – несколько миллиардов рублей хорошего качества в ближайшее время окажутся в распоряжении Государственного банка[14].

Информация о проходившем за стенами правительственных кабинетов обсуждении просочилась в общество и нашла широкий резонанс в прессе. Сомнений в необходимости самой акции обмена «керенок» никто не выражал. Даже более того, отовсюду в адрес Российского правительства раздавались призывы ускорить решение вопроса. Разногласия в общественных кругах отмечались по вопросу о способах и темпах ее проведения. Часть населения, включая и представителей сибирской буржуазии, видела в предстоящей реформе антиспекулятивный характер и предлагала быстрый и единовременный обмен денег. Но большая часть авторов, выступавших в прессе по этому вопросу, указывала, что основная масса рядовых держателей «керенок» никакого отношения к спекуляции не имеет. По их мнению, забота об этих людях обязывала правительство установить длительный срок обмена. Например, омская газета «Заря» опубликовала проект, автор которого пожелал остаться неизвестным. Проект содержал предложения обменивать «керенки» по курсу, снижающемуся ежемесячно на 10%. Обменная операция должна была растянуться на 9 месяцев. Другой автор, экономист П. Бертис, указывал на необходимость установить различные сроки обмена для каждой местности в зависимости от ее уда-

[13] Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток… С. 199–200.
[14] Там же. С. 200.

ленности и обеспеченности транспортом[15]. Интересно, что французский вице-комиссар гр. де-Мартель в ответ на запрос Министерства финансов от 29 марта 1919 г. об отношении союзников к обмену «керенок» совершенно точно предсказал все негативные результаты планируемой реформы, указывая на угрозу понижения курса рубля и усиление спекуляции на валютных обменах[16].

14 апреля 1919 г. на заседании Комитета экономической политики и Чрезвычайного Экономического совещания обсуждался проект Министерства финансов об изъятии «керенок». На него были приглашены представители кооперации, Совета частных и кооперативных банков, Сельскохозяйственного общества, Совета съездов торговли и промышленности, земские деятели. Из представленного проекта следовало, что правительство решило провести обмен «керенок» единовременно и в предельно сжатые сроки. Первоначально для этого предполагалось отвести 15 дней. Но под влиянием критиков из Комитета экономической политики Министерство финансов согласилось продлить срок до одного месяца[17]. По предлагаемому проекту с 15 мая 1919 г. из обращения изымались казначейские знаки двадцати- и сорокарублевого достоинства с обменом их рубль на рубль. При этом половина предъявленной в течение месяца к обмену суммы обращалась в принудительный беспроцентный заем на двадцать лет. На вторую половину суммы ее собственнику выдавалась долговая квитанция, по которой государство обязывалось расплатиться до 1 января 1920 г. Расплату собирались осуществить американскими купюрами.

Министр вынужден был объяснять выбранный способ обмена. Оттягивать вывод «керенок» из обращения дальше было нельзя в связи с успешным наступлением, в то же время американские купюры, предназначенные для обмена, ещё не поступили в Омск. Поэтому деньги предлагалось изъять в ближайший месяц, а компенсировать это изъятие во втором полугодии. В качестве подстраховочного варианта Министерство финансов рассматривало возможность напечатать новые деньги в России. «Оплата по квитанциям, полученным взамен «керенок», несомненно, будет выполнена к 1 января 1920 г., так как из Америки идут колоссальные установки для печатания денег», – заявил министр финансов И.А. Михайлов[18].

Обсуждение проекта выявило сомнения многих правительственных консультантов относительно его проработанности как с социальной, так и с экономической точек зрения. Они указывали, что такой способ обмена

---

[15] Заря (Омск), 1919, 17 апр.

[16] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 202, л. 42–42об., 49.

[17] Там же, ф. Р-190, оп. 1, д. 87, л. 255–265. В.П. Аничков в своих воспоминаниях утверждал, что это именно он уговорил И.А. Михайлова увеличить срок обмена до одного месяца.— См.: Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток… С. 216.

[18] Правительственный вестник. 1919. 27 апр.

приведет к пагубным последствиям для торговли на Дальнем Востоке, которая являлась единственным источником ввоза импортных товаров. Узнав о готовящейся реформе, Технический совет межсоюзного железнодорожного комитета и экономический совет при генерале Д.Л. Хорвате послали правительству предупреждение, что проведение реформы в таком виде приведет к падению престижа сибирского рубля[19].

Неприемлемым казался проект и для территорий, только что освобожденных от большевиков, на которых «керенки» являлись почти единственным видом денег. Уральский совет съездов торгово-промышленных организаций, обсудивший проект реформы, в телеграфном обращении к Российскому правительству от 8 апреля 1919 г. дал развернутую характеристику предполагаемой реформе. В телеграмме указывалось, что речь идет не только и не столько об унификации денежного рынка, но прежде всего о принудительном займе денег у населения страны. Этот заем, основанный не на имущественном положении, а на случайном обладании гражданами одним из видов полноценных до недавнего времени денежных знаков, оценивался как глубоко несправедливый и грозящий социальными потрясениями. Уральские торгово-промышленники полагали, что проведение такого принудительного займа приведет с росту цен, падению авторитета правительства на финансовом рынке, ухудшит рыночный обмен между городом и деревней[20].

Не менее убедительны были в своей критике кооператоры. В развернутой записке, подготовленной правлением крупнейшего кооперативного союза востока России – Закупсбыта – в Министерство финансов, содержался детальный анализ технических возможностей проведения задуманного обмена «керенок» в отдаленных территориях. Авторы документа отмечали, что 34 дня, отведенные для проведения этой операции министерством, да ещё весной, в распутицу, когда с некоторыми территориями прерывается всякая связь, – срок нереальный. Если же учесть, что значительная часть промыслового населения Сибири держит свои сбережения именно в «керенках», то реформа, по предположению правления Закупсбыта, приведет к потрясению основ их хозяйства, а, следовательно, и всего хозяйства Сибири. Единственный выход – пока не поздно, увеличить срок обмена хотя бы для территорий Обдорского, Туруханского, Нарымского краев, Приангарья, Якутской обл., Камчатки и Сахалина, кочевого населения Семипалатинской, Семиреченской, Акмолинской и Тургайской областей[21].

Несмотря на высказанные сомнения, только представители Совета съездов торговли и промышленности воздержались при голосовании. Ос-

---

[19] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 1, д. 143, л. 121–126, 131–132об.; ф. Р-198, оп. 6, д. 7, л. 60–61.
[20] Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 16 апр.
[21] ГАНО, ф. Д-51, оп. 1, д. 786, л. 17–23.

тальные присутствовавшие на заседании 14 апреля 1919 г. представители общественности одобрили проект Министерства финансов. Это придало проекту реформы видимость общественного признания.

Министр финансов И.А. Михайлов в своей речи на заседании Комитета экономической политики выделил три этапа будущей реформы. Первый этап, с 15 апреля по 15 мая 1919 г., когда «керенки» еще имеют хождение наравне с другими деньгами, но населению уже известно об их изъятии. В этот период ожидалось резкое увеличение налоговых поступлений и приток денег на счета банков и кредитных учреждений. В ходе второго этапа, с 15 мая по 15 июня, ожидалось, что население сдаст большую часть имеющихся в обороте «керенок». В течение третьего периода, после 15 июня 1919 г., прием предполагалось вести по пониженному курсу. Финансовое ведомство считало, что это будет происходить главным образом на территориях, освобожденных от большевиков.

В министерстве не возникло желание скорректировать законопроект с учетом высказанных замечаний и предложений. На следующий день после обсуждения на расширенном заседании Комитета экономической политики и Чрезвычайном экономическом совещании Министерство финансов представило законопроект на заседание Совета министров, который принял его без возражений[22].

В официальном обращении Министерства финансов к населению говорилось, что правительство «ценит жертвы, принесенные населением в борьбе с советской властью и, охраняя интересы народа, стремится предохранить его от разорения». Поэтому государственная власть вместо безусловной отмены «керенок» пошла на их обмен[23].

Реформа в действии

О грядущем обмене население было извещено через прессу за 10–15 дней[24]. Нужно отметить, что голоса критиков обмена утонули в потоке приветствий и одобрительных реплик, причем правительственный вариант реформы поддержали даже предпринимательские организации Перми и Владивостока[25]. Возможно, это явилось результатом усиленной пропагандистской кампании: в прессе и отдельными листовками появилось не-

[22] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 53, л. 282–283об.
[23] Заря (Омск). 1919. 20 апр.
[24] Дальний Восток (Владивосток). 1919. 25 апр., 3 мая; Свободный край (Иркутск). 1919. 29 апр.; Пермские губернские ведомости (Пермь). 1919. 24 апр.; Освобождение России (Пермь). 1919. 25 апр.
[25] Современная Пермь (Пермь). 1919. 7 мая; Дальний Восток. 1919. 30 апр.

мало официозных материалов разъяснительного характера о грядущей реформе[26].

События следующего месяца формально подтвердили оптимистические ожидания Министерства финансов. В частности, рост прямых налогов в мае 1919 г. действительно наблюдался, что видно из сравнения по месяцам суммы их сбора:

Таблица 5.1

Сумма сборов прямых налогов в апреле–июне 1919 г. (руб.)

Вид налога	апрель	май	июнь
Поземельный налог	1873938	3458905	1598140
Подоходный налог	3184479	4855364	3913177
Промысловый налог	2463903	3082742	2348742
Итого	7522320	11397011	7860060

Источник: Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 16. С. 21.

Несмотря на то, что приток прямых налогов в мае 1919 г. составил около 50%, он вобрал в себя лишь небольшую долю имевшихся в обороте «керенок». Некоторую их часть население вложило в банки и кредитные учреждения. Основная масса «керенок» хлынула на частный рынок. С первыми слухами о предстоящем обмене граждане начали избавляться от двадцати- и сорокарублевых денежных знаков, щедро предлагая их за любые товары и услуги.

По постановлению Совета министров, до 15 мая все кредитные учреждения обязаны были беспрепятственно принимать «керенки». Но сам Государственный банк установил меры дискриминации этих денежных знаков. Все внесённые «керенками» на счета банка суммы, если владелец пожелает забрать их до 15 мая 1919 г., следовало выдавать тоже «керенками». Если же клиент пожелает осуществить через банк перевод, внеся в кассу «керенки», то получатель должен получить деньги в таких же купюрах. Государственный банк в апреле 1919 г. предложил своим отделениям воздерживаться от приема «керенок» при расчетах и рекомендовать гражданам и организациям переводить их на долгосрочные вклады. Чтобы ничего не потерять от номинальной суммы вклада, следовало внести «керенки» минимум на полгода. Применялась и другая мера дискриминации: уже за месяц до начала обмена, если вкладчик приходил снимать деньги со срочного счета, то ему выдавали только половину, остальное насильно

[26] Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 20 апр.; Вестник Тобольского уезда (Тобольск). 1919. 6 июля; Освобождение России. 1919. 11 мая; Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 26 апр.

переводили на шестимесячный вклад[27]. Банкирская контора «Мацуда» во Владивостоке предупредила своих вкладчиков, что вклады, сделанные «керенками», будут считаться сданными населению для обмена по закону Российского правительства[28]. Большинство частных банков и кредитных учреждений установили аналогичный порядок работы с двадцати- и сорокарублевыми купюрами. Таким образом, спасти деньги через банки было невозможно, они предлагали условия, мало чем отливавшиеся от конфискационного государственного займа.

Основная масса финансовых организаций и учреждений Сибири, в том числе и некоторые банки, опасались аккумулировать «керенки» перед их изъятием. Обычно частные банки стремились быстро избавиться от наличности, принятой «керенками», идя при этом на любые ухищрения. Само государство в лице своих казначейских учреждений поступало не совсем честно в отношении правительственных служащих: даже накануне реформы жалование в некоторых местах выдали «керенками» [29].

Не обошлось при этом и без печальных курьезов. Полученная Камышловским казначейством 9 апреля 1919 г. рекомендация руководства Государственного банка воздерживаться от приема «керенок» была понята слишком буквально. Не дожидаясь правительственного постановления, казначейство немедленно запретило всем правительственным, общественным и частным учреждениям Камышлова прием «керенок». Решение это не было отменено, видимо, вследствие полного невнимания центральных органов к событиям уездного уровня[30].

На товарном рынке в преддверии реформы наблюдалась настоящая катастрофа. В частном секторе уже с конца апреля «керенки» почти прекратили хождение. «Пойдите на базар, купите что-нибудь в магазине и попробуйте рассчитаться “керенками”, и у вас отберут товар обратно», — писала омская газета «Заря» [31]. Население спешило избавиться от двадцати- и сорокарублевых купюр, стремясь купить на них любой товар. Торговые же предприятия, наоборот, отказывались принимать «керенки». Местные власти вводили наказания за отказ от приема «керенок» до 15 мая 1919 г. в виде штрафов и тюремного заключения[32]. Реакция рынка на насильственные меры не заставила себя ждать – чтобы переждать «опасный» период многие магазины и лавки просто прекратили торговлю. Народ рыскал по рынкам, пытаясь сделать крупные закупки, стремясь избавиться от злосчастных денежных знаков. Крестьяне тоже среагировали

---

[27] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 217, л. 1, 7об., 28; ф. Р-198, оп. 6, д. 7, л. 20–20об.; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 158, л. 40–41, 63; Освобождение России. 1919. 3 мая.
[28] Дальний Восток (Владивосток). 1919. 9 мая.
[29] Освобождение России. 1919. 21 мая.
[30] Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 21 мая; Голос сибиряка (Екатеринбург). 1919. 8 мая.
[31] Заря. 1919. 6 мая.
[32] Дальний Восток. 1919. 3 мая; Наш Урал. 1919. 14 мая.

вполне естественно: подвоз продовольственных товаров на городские рынки почти прекратился – крестьяне не хотели получать за них «керенки». Усилился дефицит продовольствия, подскочили базарные цены. Но и снабжение деревни промышленными товарами частные торговцы прекратили. Лавочники опасались торговать[33]. И без того хромавший товарообмен между городом и деревней в считанные дни совершенно расстроился.

Правда, некоторые торговые предприятия выпадали из общего правила, выбрав иную тактику поведения на рынке. Принимая «керенки» до последних дней их легального хождения, многие магазины получали огромную выручку. Приезжавшие из деревень крестьяне брали всё, что лежало на прилавках, оставляя в магазинной кассе каждый по несколько тысяч рублей в двадцати- и сорокарублевых купюрах[34].

Особенно тревожная ситуация наблюдалась в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Напомним, что «керенки» в этом регионе являлись единственной широко распространенной российской валютой. Помимо них в обороте находилось небольшое количество высоко ценимых на Дальнем Востоке «романовских» рублей, а также непопулярные местные денежные знаки и «сибирки». Денежные знаки Сибири очень низко котировались на Дальнем Востоке и совсем не принимались в полосе отчуждения КВЖД[35]. На постановление Совета министров о прекращении обязательного приёма «керенок» харбинский и владивостокский денежные рынки отреагировали ростом курса иностранной валюты и золотого рубля. При этом ценность сибирского рубля сильно упала. Через месяц после объявления о реформе за него давали только треть от прежней цены[36]. Основные капиталы торговой буржуазии Приморья и Манчжурии заключались в «керенках». Правительство предлагало заменить их ничем не обеспеченными квитанциями государственного займа. Естественно, что такая реформа вызвала саботаж среди наиболее экономически влиятельных, спекулятивных кругов. Торгово-финансовые круги Манчжурии просили продлить в их регионе обмен на 3–6 месяцев и выслать в кредитные учреждения подкрепление для проведения обмена рубль в рубль, отмечая, что в противном случае произойдет рост цен, сокращение закупочных операций, что в конечном итоге негативно отразится на потребительском рынке Сибири[37].

Не имевшее валюту дальневосточное крестьянство тоже ответило на реформу своеобразным саботажем. «После изъятия “керенок” крестьяне сделали вывод, что деньги в хозяйственной жизни совсем уж ненужная

---

[33] Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 8, 15 мая; Освобождение России. 1919. 21 мая; Пермская земская неделя (Пермь). № 15. С. 1.
[34] Отечественные ведомости. 1919. 17 мая.
[35] Дальний Восток. 1919. 22 марта.
[36] Сибирская жизнь. 1919. 10 мая.
[37] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 7, л. 13об.; Сибирская жизнь. 1919. 4 мая; Новости жизни (Харбин). 1919. 4 мая.

вещь… денежные отношения заменились натуральными», — писала одна из дальневосточных газет[38].

В последний месяц перед отменой хождения «керенок» правительство старалось посылать в Забайкалье и на Дальний Восток для выплаты заработной платы, оплаты государственных заказов и таможенных пошлин Китаю за провоз через границу российских грузов только «сибирские» рубли. Если весной 1919 г. рабочие и служащие Дальнего Востока предпочитали получить свою зарплату сибирскими рублями, а не местными денежными знаками, то после 15 мая 1919 г. выдача зарплаты «сибирками» стала вызывать повсеместный протест. Рабочие и служащие отказывались их принимать ввиду падения рыночного курса. Этим широко воспользовались партизаны и подпольщики для организации забастовок среди недовольных железнодорожников.

В Манчжурии картина оказалась ещё более запутанной. Там и раньше рабочие и служащие отрицательно относились к выплате зарплаты сибирскими обязательствами – китайцы их принимали плохо. Самыми ходовыми денежными знаками являлись «керенки». После объявления об изъятии из обращения двадцати- и сорокарублевых купюр торговцы сразу перестали принимать и их. Тогдашние «бюджетники» попали в ситуацию, когда на выдаваемую зарплату не только ничего не могли купить, но и все их сбережения в одночасье потеряли всякую ценность. Единственным выходом оказалась эмиссия местных денежных суррогатов – бон, о разрешении на выпуск которых Российское правительство просили Управление КВЖД, правление Русско-Азиатского банка, городской совет станции Манчжурия[39].

С отменой хождения «керенок» рабочие и служащие забайкальско-дальневосточного региона окончательно потеряли веру в возможность получения за свою работу жалования полноценными деньгами. Это усилило озлобление в их среде. Финансовая реформа сыграла заметную роль в ухудшении политической обстановки. Власть сама толкала общество в оппозицию[40].

Проблемы с проведением реформы возникли и на другом географическом «полюсе» колчаковского государства – в прифронтовой полосе. Известие о реформе вызвало негативную реакцию в действующей армии[41]. Получавшие символическое жалование солдаты буквально охотились во время наступления за деньгами. Карманные деньги красноармейцев и обывателей с той стороны фронта в Сибири представляли собой целое состояние. В связи с тем, что денежное довольствие, снабжение дейст-

---

[38] Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1919. № 13.
[39] Новости жизни. 1919. 4, 10 мая.
[40] Андреев Г.И. Революционное движение на КВЖД в 1917—1922 гг. Новосибирск, 1965. С. 80.
[41] Огородников Ф. Удар по Колчаку. М., 1938. С. 89.

вующей армии продуктами питания и предметами первой необходимости осуществлялись крайне нерегулярно, захват военной добычи в виде «керенок» являлся не только стимулом к дальнейшему продвижению войск на запад, но и необходимым условием выживания. Армия стала одним из тех каналов, через который «керенки» проникали в Сибирь. С изъятием двадцати- и сорокарублевых купюр из обращения «большевистский комиссар и красноармеец перестали быть для солдат пирожками с начинкой из “керенок”» [42]. Генерал Г.А. Вержбицкий в своем отчете от 1 июля 1919 г., объясняя причины отступления белой армии, отмену «керенок» поставил в один ряд с такими факторами, как плохое снабжение армии и крупные людские потери[43]. Аналогичное влияние на солдат фактов изъятия из обращения «керенок» отмечали и другие мемуаристы[44].

Естественно, финансовое ведомство своевременно оповестило фронтовые части о реформе и устроило прием «керенок» через полевые казначейства. Но военные не желали легко сдавать те экономические позиции, к которым уже успели приспособиться. Солдаты находили множество предлогов и требовали продлить срок обмена. Им навстречу шло и командование, отмечая, что ввиду растянутости частей по всему фронту на 500 км многие из них получили сообщение о реформе слишком поздно. Генерал Р.Х. Гайда распорядился продлить срок обмена «керенок» на территории западнее Камы до 15 июня 1919 г. Генерал Г.А. Вержбицкий 23 мая попросил управляющего Государственного банка поддержать данное распоряжение, предупреждая, что в противном случае на фронте возможен солдатский бунт. Государственный банк сначала распоряжение не признал. Власти опасались, что не успевшие обменять деньги частные лица воспользуются случаем, чтобы сбыть излишки денег солдатам. Однако со временем Государственный банк вынужден был смириться. Более того, с целью снижения недовольства в действующей армии Российское правительство разрешило «в виде исключения» обменивать солдатам и офицерам «керенки» наличными рубль за рубль до 15 июня 1919 г. Лишь после 15 июня на фронте стали выдавать квитанции о приеме «керенок» [45]. Поскольку эта мера проводилась как исключительная, она, видимо, коснулась не всех фронтовых частей. Мы не располагаем также статистикой, позволяющей судить о том, какая сумма была обменена солдатам и офицерам на наличные сразу и без принудительного займа.

В прифронтовых районах не обошлось и без исключений для гражданского населения. В Уральской области, отрезанной от остальной «белой» территории, обмен проводился в июне в двухнедельный срок со дня опуб-

---

[42] Кроль Л.А. За три года (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 186.
[43] ГАНО, ф. П-5, оп. 4, д. 1524, л. 305.
[44] Клерже Г.И. Революция и гражданская война. Мукден, 1932. Ч. 1. С. 164.
[45] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 212, л. 2; д. 217, л. 105, 108, 111–116; Уральский маяк (Верхнеуральск). 1919. 25 мая; Голос сибиряка. 1919. 8 мая.

ликования постановления Российского правительства от 16 апреля 1919 г. В течение этих двух недель «керенки» зачислялись на вклады и текущие счета государственных и частных кредитных учреждений и принимались в платежи как полноценные денежные знаки. По истечении двухнедельного срока их принимали по половинной стоимости. Из полученной суммы половину зачисляли на принудительный заём, за остальную выдавали квитанции[46].

Одной из наиболее критикуемых сторон намеченного правительством обмена было отсутствие достаточного аппарата для быстрого проведения этой операции. Техническая сторона операции обсуждалась на частном совещании чинов Государственного банка 5 апреля 1919 г. Непосредственно проведением обмена занимался Государственный банк и все его отделения. Для проведения обменной операции решено было задействовать в качестве посредников отделения Государственных сберегательных касс (в том числе почтовые и железнодорожные), губернские, уездные и полевые (для обслуживания армии) казначейства, почтово-телеграфные конторы, кредитные товарищества, общества взаимного кредита, коммерческие и общественные банки, таможни, волостные правления[47]. С 16 апреля по начало мая 1919 г. всем учреждениям были разосланы предложения о сотрудничестве при проведении обменной операции и подробные инструкции о действиях этих учреждений в случае согласия[48]. В действительности, в организации обмена «керенок» активно принимали участие не только вышеперечисленные кредитные учреждения, но и земства разных уровней, потребительская кооперация, что просто спасало ситуацию в глубинке, где не было других учреждений. Объяснялось это не только государственными настроениями. Крупные кооперативные союзы призывали свои подразделения активно участвовать в обменной операции, приглашая сельчан принимать вклады и задатки «керенками». Земства предпочитали брать «керенки» в счет земских сборов[49]. Во многих городах были открыты дополнительные пункты приема «керенок». Это сыграло определенную положительную роль. Российское телеграфное агентство во второй половине мая 1919 г. передавало из всех концов подвластной Омску территории об энтузиазме, с которым население отнеслось к реформе, и о хорошем поступлении «керенок». Исключение составляли только сведения из Харбина и Владивостока, где информационное агентство отмечало замешательство торговцев[50].

Операция обмена «керенок» вне крупных городов выглядела весьма архаично. Земства, кооперативы, почтово-телеграфные конторы и сбер-

---

[46] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 212, л. 123, 130–130об.
[47] Там же, л. 7–9.
[48] Например, по Иркутской губернии: ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 158, л. 1–39.
[49] ГАИО, ф. 207, оп. 1, д. 18, л. 129–129об.; ф. Р-1322, оп. 1, д. 18, л. 20, 24, 29–36, 43–45.
[50] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 7, л. 13–13об.

кассы высылали в ближайшие отделения Государственного банка посылки с деньгами и описями сдатчиков. Банковские отделения тем же путем высылали именные квитанции и уведомления о приеме денег на двадцатилетний вклад. Единых образцов квитанций не было – каждое отделение изготавливало их самостоятельно. Но сделано это было заблаговременно и с запасом, так что нехватки бланков квитанций никто не испытывал[51].

Официальные отчеты умалчивали о реальной, далеко не благополучной картине. В сельской местности финансовые учреждения, принимавшие «керенки», отсутствовали, поэтому сдача их государству оказалась для деревни сложным мероприятием. Во многие деревни пришло не официальное уведомление об обмене, а только слух, которому жители не охотно верили. Выждав до 15 мая, убедившись, что слух достоверен, сельчане понесли свои деньги, когда было уже поздно, или и дальше продолжали выжидать. Сельские сходы нередко принимали постановление о продлении срока обмена или о продолжении обязательного приема «керенок» на территории волости, невзирая на закон[52]. Нередко жители отдаленных деревень не укладывались в месячный срок из-за плохой обеспеченности транспортом или неблагоприятных погодных условий. Например, большинство сельских жителей Хабаровского уезда не смогло сдать свои «керенки», так как распутица отрезала их деревни от уездного центра. Во многие отдаленные регионы информация об обмене «керенок» дошла позже 15 мая 1919 г., или власти, получив известие об обмене в последний момент, не успели оповестить население. На Камчатку она поступила в августе 1919 г. Больше всего пострадали представители коренных народов Казахстана, Сибири и Дальнего Востока: кочевники, российское население, занятое охотничьим промыслом[53]. В мае и июне в Совет министров и Управление Государственного банка поступило около десятка просьб о продлении срока обмена «керенок» для той или иной местности. Большая часть прошений осталась без удовлетворения[54]. Только просьба АО «Спасские медные руды», рудники которого находились в труднодоступных районах Джезказгана и Байконура, 5 мая 1919 г. была удовлетворена Министерством финансов[55]. Правительство опасалось, что льготы для отдельных регионов создадут благоприятные условия для спекуляции на разнице сроков обмена. Однако согласилось считаться с форс-мажорными обстоятельствами отдельных лиц и групп граждан и удовле-

---

[51] Там же, ф. Р-143, оп. 7, д. 215, л. 19, 50, 55, 64, 127, 129, 131, 132, 134, 136, 138, 140, 142, 148, 150.

[52] Отечественные ведомости. 1919. 16 мая; Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. 14 июня; Томский кооператор (Томск). 1919. № 22. С. 18.

[53] Дальневосточное обозрение. 1919, 17 мая; ГАРФ, ф. Р-197, оп. 2, д. 19, л. 29.

[54] Дальневосточное обозрение. 1919. 10 июля; ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 8. л. 10; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 172, л. 2, 7, 17, 23, 26; ф. 154, оп. 1, д. 157, л. 68.

[55] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 97, л. 32–34, 36, 37об.

творять ходатайства властей и пострадавших об обмене строго определенного количества денег, не взирая на сроки.

Очевидно, что город и деревня, центральные и отдаленные районы были поставлены в неравное положение. Большая часть населения в результате реформы понесла убытки, так как отмененные деньги остались у них на руках. В секретных отчетах правительства отмечалось массовое недовольство ходом проведения обмена «керенок» [56]. Однако правительство упорно отказывалось восстановить социальную справедливость во имя мифической эффективности реформы.

С 16 июня по 15 июля 1919 г. «керенки» принимались в государственных финансовых учреждениях с выдачей квитанции на 50 коп. за один сданный рубль. При этом половина сданной суммы по-прежнему обращалась в двадцатилетний беспроцентный заем и только на 25% принятых денег выдавалась квитанция. С 16 июля курс обмена был понижен до 25 коп. Охотников обменять «керенки» по такому низкому курсу находилось немного. Для стимуляции обмена Государственный банк пошел на смягчение его условий – четверть от номинала сдаваемой суммы выдавалась наличными сразу, займу сданные после 16 июля 1919 г. «керенки» не подлежали[57].

Просчеты финансовой политики Российского правительства активно использовали в свою пользу большевики. В обращении Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров к трудящимся Сибири 16 августа 1919 г. сообщалось, что все оставшиеся на руках у населения «керенки» признаются большевиками за полноценное средство платежа в отличие от денег Российского правительства[58]. Непопулярность обмена была настолько велика, что в августе–сентябре 1919 г. в районах партизанских восстаний, охвативших тыл Российского правительства, хождение «керенок» восстанавливалось, а «сибирские» деньги партизаны объявляли недействительными[59].

Несмотря на непоступление качественных купюр из Североамериканских соединенных штатов, положение с наличными деньгами Российского правительства улучшилось – было отпечатано значительное количество сибирских денег. В качественном отношении они по-прежнему не выдерживали никакой критики и, вероятно, даже стали хуже. Зато появилась возможность облегчить положение населения, пострадавшего от обмена.

Во-первых, уже в конце мая 1919 г. управление Государственного банка разрешило своим отделениям при наличии свободных средств выплачивать гражданам, сдающим «керенки», половину их стоимости немед-

---

[56] РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 160, л. 2.
[57] Русь (Омск). 1919. 24 июля.
[58] Борьба за власть Советов в Томской губернии. Сб. документов. Томск, 1957. С. 457.
[59] Партизанское движение в Западной Сибири. Сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 191.

ленно, «деньгами общероссийского образца» (т.е. сибирскими рублями). Выплаты начались немедленно, однако просчитать, какую долю сданных «керенок» государство компенсировало гражданам, не представляется возможным – сводная банковская статистика по этому поводу в архивах не обнаружена. Вероятно, она и не велась. Мы можем судить о масштабах явления только по многочисленным отдельным документам. С конца мая посылки с сибирскими купюрами потекли в обратном направлении – в дальние села и деревни[60]. Причем финансовые органы легче соглашались компенсировать небольшие вклады.

Во-вторых, казенные палаты и местные отделения Государственного банка приняли огромное количество заявлений и ходатайств от людей и целых групп населения, попавших в чрезвычайные обстоятельства. Реакция на них последовала в основном в августе и сентябре 1919 г. Можно выделить несколько типичных случаев, когда Российское правительство склонно было идти навстречу просителям. В первую очередь это касалось беженцев из западных регионов «Колчакии», загнанных в Сибирь наступавшей Красной армией. Некоторые бросили свои дома как раз в период обмена и даже не успели получить официальных документов о приеме «керенок». Другая группа ходатайств, как правило, удовлетворявшихся, имела отношение к жителям отдаленных местностей. Наконец, рассматривались так называемые прочие обстоятельства, которых могло возникнуть множество: опоздание поезда, распутица. Кроме того, обнаружились учреждения и организации, принявшие «керенки» до 16 мая 1919 г., но не успевшие их вовремя сдать в Государственный банк. В этих случаях им возвращали «сибирками» полную сумму. Как правило, ходатайствовали о снисхождении люди или учреждения, действительно потерявшие все свои сбережения. В зависимости от конкретной ситуации управление Государственного банка компенсировало им наличными полный объем сданных денег или половину[61]. Но сколько поломанных судеб предстало перед чиновниками Государственного банка, читавшими эти документы? Выявилось немало случаев, когда рабочим, служащим и военным выдавали жалование и денежное довольствие «керенками» буквально накануне последнего дня свободного хождения «керенок», а через несколько дней предлагали конфискационные условия обмена. Всем обратившимся с жалобами на подобные случаи компенсировалась вся сумма: власти предпочитали поскорее «замять» нелицеприятные факты своей деятельности и не сеять возмущение. Но как можно было компенсировать людям уже причиненные страдания и восстановить уже потерянный престиж власти?

---

[60] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 212, л. 38; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 157, л. 61–65, 103, 108.

[61] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 212, л. 8–8об., 57–311, 336–343; д. 213, 1–106; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 157, л. 1–300.

Следует отметить, что как власти ни боялись злоупотреблений с льготным обменом «керенок», они все же имели место.

Судя по банковской статистике, за июнь 1919 г. в отделения Государственного банка поступило 133 435 400 руб. «керенками», за июль – 125 972 920 руб. (из них 43 млн – в Омске), за август – 35 067 900 руб. Небольшие суммы банки продолжали принимать до ноября 1919 г.[62] Подавляющая часть этих «керенок» была оплачена наличными на 100, 50, 25% в зависимости от обстоятельств, сроков сдачи и наличия свободных средств у отделений.

Поскольку провести унификацию денежного обращения предполагалось во всероссийском объеме, накануне и в период проведения обмена Российское правительство стремилось координировать свои действия с властями других регионов, занятых «белыми».

В Архангельской области, проинформированной о денежных мероприятиях Российского правительства, «керенки» были выведены из обращения в июне 1919 г. Генерал Е.Л. Миллер летом 1919 г. на гребне временных военных успехов оказался в затруднительном положении. Население освобождённых «белыми» войсками районов имело только отменённые деньги, и, чтобы не бросать людей на произвол судьбы, антибольшевистские власти вынуждены были возобновить приём этих денежных знаков[63].

В деникинском тылу судьба денежных знаков Временного правительства была куда более витиеватой. Особое совещание Вооруженных сил юга России видело главную опасность для своего бюджета не в «керенках». С конца весны 1919 г. с севера начался приток совзнаков, или, как их ещё тогда называли, «пятаковских». Их нельзя было перепутать, как «керенки», поэтому с них и решено было начать ликвидацию «советских» денег. Они заняли место «керенок», и процесс их аннулирования проходил столь же болезненно. Обмен «пятаковских» заслуживает самостоятельного исследования[64]. Сами же «керенки» на юге России были отменены лишь в августе 1919 г. Эта акция не сопровождались бурной реакцией населения, поскольку «керенки» являлись к тому времени денежным знаком второстепенного значения [65]. Любопытно, что Российское правительство в ответ на требования юга выделить часть запасов денежных знаков

---

[62] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 218, л. 2–621. — В данном деле хранятся понедельные отчеты о поступлении «керенок» во все казначейства востока России.

[63] Там же, ф. Р-198, оп. 1, д. 7, л. 103.

[64] К сожалению, исследователи южной ветви российской контрреволюции до сих пор этот важный сюжет в лучшем случае лишь упоминали. — См.: Баранов А.Г. Денежное обращение Северного Кавказа в 1917—1920 гг. Майкоп, 1999. (Цит. по: //www.bonistikaweb.ru/knigi/baranov.htm; Карпенко С.В. Очерки истории белого движения на юге России (1917—1920 гг.). М., 2002. С. 155.

[65] Карпенко С.В. Очерки истории… С. 154–155.

выслало для подкрепления кредитных учреждений деникинского правительства 200 млн рублей «керенками» и обещало до конца года выслать ещё 800 млн руб., т.е. переправить на юг практически весь запас изъятых из обращения на востоке России купюр двадцати- и сорокарублевого достоинства за подписью А.Ф. Керенского[66].

Наиболее экстравагантна судьба «керенок» в Северо-Западном регионе. Находясь в большевистском окружении, лидеры «белого» движения не только не помышляли об отказе от этих денежных знаков, но и тайно принялись изготавливать их, полагая, что такое фальшивомонетничество мало чем отличается от большевистской эмиссии[67].

Российское правительство проводило обмен «керенок» не только на российской территории, но и за границей. При этом в каждой стране обмен имел свою специфику, подчас очень далекую от российского образца.

Узнав об условиях обмена, большинство иностранных консулов заявили письменный протест, указав на то обстоятельство, что обмен ущемляет иностранцев, владеющих керенками», разрушает едва наладившиеся торговые связи между соседями. В ответ Совет министров Российского правительства согласился, что «керенки», сданные иностранными подданными, не подлежат принудительному займу, а срок обмена по равноценному курсу был продлен на неделю – до 22 мая 1919 г. [68].

Наиболее болезненные последствия для держателей «керенок» обмен вызвал в Китае. Некоторые российские финансовые учреждения, находившиеся на китайской территории, получили известие о нем 29 мая 1919 г. Российско-китайское совещание администрации и финансовых учреждений в полосе отчуждения КВЖД продемонстрировало всю остроту положения: китайская сторона категорически отказывалась принимать предписанные законом условия обмена[69]. Русский посланник в Пекине Н.А. Кудашев информировал омский МИД: «Обязываю банки продолжить прием «керенок» до 15 мая, но считаю долгом предупредить правительство, что применение этого закона при кратком сроке и отсутствии сберегательных касс разорит многих и повлечет иск китайцев к российскому правительству. Усиленно ходатайствую о продлении срока обмена по полной цене до снабжения банка романовскими рублями мелкого достоинства специально для обмена» [70].

Многие отделения русских банков и консульства в Китае тоже просили правительство снабдить их денежными знаками и продлить на китай-

---

[66] Белый восток: финансы и политика / Публ. Ипполитова С.С. (Цит. по: http://www.antibr.ru /reader/ah_vostfin_ksd.html).

[67] Николаев Р. Деньги, время, власть. СПб., 2002. (Цит. по: www.bonistikaweb.ru/knigi/nikolaev-dvv.htm).

[68] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 202, л. 87, 98, 103, 119–120; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 158, л. 128.

[69] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 7 л. 67–68; ф. Р-200, оп. 1, д. 202, л. 83–86, 320.

[70] Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 6, л. 41.

ской территории сроки обмена на месяц. Этого же требовали сами китайцы, имевшие на руках около 200 млн руб. «керенками». Вопрос этот поднимался дипломатами даже в конце июня 1919 г., но наталкивался на неизменный ответ И.А. Михайлова и И.И. Сукина, что оснований для продления срока и смягчения условий обмена нет[71]. Совет министров не счел эту просьбу достойной удовлетворения, бросив китайские отделения российских банков на произвол судьбы. Операция по обмену «керенок» в Китае напоминала фарс. На всей китайской территории действовало несколько принимавших «керенки» учреждений. Вопреки закону, обмен растянулся на несколько месяцев, но не уберег от убытков ни русских, ни китайских граждан[72]. Несмотря на возникшие проблемы, И.А. Михайлов невозмутимо информировал Совет министров и российские посольства в Англии, Франции и Швеции, что обмен в Китае прошел успешно[73]. При этом сам МИД обладал информацией, что к окончанию срока обмена на руках у населения Китая осталось около 500 млн руб. «керенками», т.е. больше, чем до начала обмена[74].

Самым негативным последствием всего этого для российской стороны было то, что понесшая немалые убытки китайская сторона отказала в доверии сибирским краткосрочным обязательствам. Прием «сибирок» на китайской территории был запрещен. С мая 1919 г. китайские таможенные власти потребовали, чтобы оплата таможенных пошлин за провоз российских товаров через границу Китая производилась исключительно «романовскими» деньгами[75]. Это парализовало продвижение грузов на КВЖД. Рабочие и служащие КВЖД отказались получать зарплату «сибирками», не имевшими для них никакой ценности, и начали забастовку[76]. В итоге органам управления железной дороги пришлось пойти на выпуск бон специально для полосы отчуждения КВЖД[77].

Информация об обмене «керенок» вызвала замешательство в российском посольстве в Японии. Посол В.В. Крупенский рекомендовал Омску воздержаться от официального опубликования условий обмена, чтобы избежать протеста японского правительства. Он предложил провести обмен неофициально, через отделения Русско-Азиатского банка. Операция обмена была действительно проведена в Японии через посредничество этой могущественной банковской структуры, правда, в официальном порядке. Всякие просьбы банка об отсрочке трактовались как нарушение

---

[71] Освобождение России. 1919. 15 мая; ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 202, л. 91–93, 145, 198, 234, 242, 244–247об.; д. 233, л. 26–28об., 39.
[72] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 8, л. 10, 69–70.
[73] Там же, л. 35, 37, 38; ф. Р-176, оп. 5, д. 105, л. 32.
[74] Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 233, л. 56.
[75] Там же, ф. Р-176, оп. 3, д. 44, л. 29.
[76] Андреев Г.И. Революционное движение… С. 80.
[77] ГАРФ, ф. Р-197, оп. 5, д. 46, л. 1, 1об.; ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 250, 254–255об.

условий сотрудничества с МИД и Министерством финансов[78]. При этом было сдано очень небольшое количество денег. Японские банки и другие крупные держатели «керенок» потребовали их обмена на иены по текущему курсу и удовлетворились только этим. Любопытно, что в Сибири и на Дальнем Востоке нашлись спекулянты, скупавшие «керенки» у россиян для продажи иностранным гражданам[79].

В Европе мероприятия по обмену «керенок» стали проводиться только в конце июня – начале июля 1919 г. Держателям денежных знаков двадцати- и сорокарублевого достоинства были предложены невыгодные условия. Они могли сдать «керенки» на вклады в отделения российских банков с беспрепятственной выплатой этих денег в будущем в любом отделении Государственного банка на российской территории. Техническую сторону операции Министерство финансов возложило на неподготовленные к этому посольства России.

Единственной европейской страной, имевшей накануне обмена в своей казне изымаемые из оборота купюры на сумму 900 тыс. руб., была Швеция. Еще в марте 1919 г. по предложению И.И. Сукина шведы обменяли их на сибирские кредитные обязательства по курсу, превышавшему рыночный на 10% [80]. Без преувеличения можно сказать, что экономические интересы стран Европы от изъятия из обращения «керенок» почти не пострадали, так как ни граждане, ни правительства этих стран не имели на руках больших сумм в этих денежных знаках. В первую очередь от такой формы проведения обмена пострадали проживавшие в Европе российские граждане. Однако способ проведения реформы денежного обращения вызвал столь же негативную реакцию на европейском континенте, как и в Азии. Члены дипломатического корпуса в Омске предупреждали, что не берутся предрешать реакцию своих стран в случае, если обмен вызовет недоразумения[81]. Престиж Российского правительства оказался сильно подорван.

Результаты реформы

Эффективность мероприятия по обмену «керенок» можно оценить, проанализировав следующие официально опубликованные цифры: 23 апреля 1919 г. в казне было 11 млн руб. «керенок», к 16 мая их стало уже 610 млн, к 1 июля сдано 959 млн, а к сентябрю – 1100 млн руб.[82]

---

[78] Там же, д. 8, л. 19, 21, 21об.; ф. Р-200, оп. 1, д. 202, л. 129.
[79] Русская речь (Новониколаевск). 1919. 6 июня.
[80] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 8, л. 2.
[81] Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 233, л. 44.
[82] Там же, ф. Р-197, оп. 2, д. 1, л. 33об.–35; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 17. С. 12. Е.И. Пастухова со ссылкой на газету «Приамурская жизнь» приводит явно ошибочные сведения (см.: Пастухова Е.И. Финансовая политика… С 75). Вероятнее всего,

Необходимо напомнить, что по приблизительным оценкам специалистов в обращении на территории «белых» находилось до 9 млрд руб. «керенок». Следовательно, скорее всего из обращения была изъята их меньшая часть. Причем более половины изъятых денег государству пришлось оплатить по полной стоимости, так как они попали в государственные финансовые учреждения до начала официального обмена. Лишь около 300 млн руб. были обменены на квитанции. Поэтому можно утверждать, что идея массового принудительного государственного займа завершилась неудачей.

Реформа по изъятию из обращения «керенок» была изначально обречена на провал. Во-первых, правительство разработало реформу в расчете на продвижение белой армии в западном направлении. Вариант отступления совершенно не учитывался. Обещая гражданам компенсировать изъятые «керенки» в течение второй половины 1919 г., власти в очередной раз сделали ставку на получение американских купюр. Оптимизм правительства не имел под собой никакого основания. Оба условия успешного развития реформы оказались нереализованными. Очевидным просчетом явилась недооценка дальневосточной специфики.

Сам момент для изъятия из обращения «керенок» был выбран очень неудачный – началось отступление белой армии на восток. Кроме того, будучи ограничено в ресурсах, правительство решило провести унификацию денежного обращения за счет населения. В результате предпринятые в мае–августе 1919 г. меры больно ударили по экономическому положению населения, которое встретило их резким недовольством и даже саботажем.

Вместо стабилизации экономики денежная реформа по изъятию «керенок» привела к полной потере правительственного контроля над финансами, уронила авторитет едва начавшего завоевывать популярность «сибирского» рубля, настроила против правящей власти все слои населения, особенно крестьянство и буржуазию, являвшихся самыми крупными держателями этих денежных знаков, а на Дальнем Востоке – железнодорожников, от которых зависела единственная связывавшая восток России с внешним миром транспортная артерия.

Изъятие из обращения «керенок» настолько сильно потрясло финансовый рынок, что последовавший за ним обмен местных денежных суррогатов не вызвал со стороны населения практически никакой реакции. С августа 1919 г. государственная власть «белых» окончательно потеряла влияние на денежный рынок.

Обмен «керенок», проведенный Российским правительством в 1919 г., вызывает в памяти очень широкие исторические аналогии. Выплата «ке-

---

она неверно воспроизводит данные источника, который мог черпать информацию только из официальных изданий.

ренками» жалования накануне конфискационного обмена поистине достойно продолжает традиции правительства Алексея Михайловича Романова в канун «медного бунта» 1662 г., а несчастные сибирские мужики – сродни «обманутым вкладчикам», потерявшим свои сбережения, как правило трудовые, в результате обменов и дефолтов 1990-х гг. «Учитель жизни», видимо, никого ничему не учит.

Российский обыватель в условиях конфискационного обмена ведет себя очень схожим образом. Стихийно возникают примерно одинаковые стратегии поведения домохозяев на потребительском рынке. Это подтверждается очень длительным историческим опытом, начиная от денежного обмена Е.Ф. Канкрина и продолжая неоднократными обменами времен гражданской войны, из которых в данной главе представлен самый масштабный. Дальше в их череде вполне можно будет поставить обмены 1947 г. и 1991 г.[83]

Ретроспективный анализ накопленного в историографии материала о реформах, связанных с обменом денег, возможно даст, наконец, такое качественное приращение исторических знаний, которое будет учтено и отечественными реформаторами.

[83] Блиох И.С. Финансы России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 1. С. 239–240; Денежная реформа 1947 года: реакция населения. По документам особых «папок» Сталина // Отечественная история. 1997. № 6. С. 134–140; Пушкарев В.С. Денежная реформа 1947 г. и «черный» рынок // Денежные реформы в России. История и современность. М., 2004. С. 183–192; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946—1953. М., 2000. С. 34–71.